

На правах рукописи

БУЗАДЖИ Дмитрий Михайлович

**«ОСТРАНЕНИЕ» В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ
И ЕГО ПЕРЕДАЧА В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2007

Работа выполнена на кафедре перевода английского языка переводческого факультета ГОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет».

Научный руководитель: кандидат филологических наук
ПСУРЦЕВ Дмитрий Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ИОВЕНКО Валерий Алексеевич

кандидат филологических наук, доцент
БРЕУС Евгений Васильевич

Ведущая организация: Военный университет

Защита диссертации состоится « 22 » октября 2007 г. в 14:30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.135.02 при ГОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет» (адрес: 119034, г. Москва, ГСП-2, ул. Остоженка, д. 38).

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном читальном зале библиотеки ГОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет».

Автореферат разослан « 15 » сентября 2007 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

_____

В.С. Страхова

В реферируемой диссертации в качестве предпосылки переводоведческого исследования остранение рассмотрено с лингвистических позиций как семантическое явление, имеющее стилистическую значимость.

Проблема передачи в переводе экспрессивных средств, стилистических приемов и структур, так или иначе повышающих информативную ценность и эстетическую оригинальность текстов, всегда широко обсуждалась теоретиками и практиками перевода. При этом можно отметить, что вопрос воспроизведения в переводе стилистического своеобразия оригинала и его эмоционального воздействия зачастую решается либо весьма субъективно, без должного анализа объективно существующих языковых фактов, либо чересчур механистически, на базе анализа только внешних языковых форм.

В представленной работе явление остранения анализируется комплексно, с учетом как его семантического инварианта, так и разнообразных форм языковой реализации и основных характеристик его коммуникативного воздействия. Роль тех или иных языковых средств при создании остранения в английском и русском языках устанавливается путем сопоставительного анализа соответствующих областей языковых систем.

В результате вырабатываются критерии, на основе которых становится возможным оценить степень эквивалентности отрезков оригинала, содержащих остранение, и их перевода, а также предложить конкретные, но достаточно универсальные переводческие рекомендации, позволяющие осуществлять перевод подобных текстов с максимальным сохранением коммуникативного воздействия.

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время остранение весьма часто встречается в художественной литературе и публицистике и представляет собой немалую трудность для перевода, что подтверждается результатами анализа оригиналов и переводных текстов. Актуальным также является обращение к теоретическому наследию русских формалистов, обладающему большим и до сих пор не вполне реализованным потенциалом для исследований лингвистической направленности.

Объектом исследования служат стилистически релевантные языковые явления, объединенные общим семантическим инвариантом и рассматриваемые в аспекте перевода.

Предметом исследования является семантический механизм и языковые средства реализации острания, сходства и различия функционирования острания на разных уровнях системы английского и русского языков и проблемы передачи острания в переводе.

Основная цель работы состоит в описании семантического механизма острания, направленном на выявление наиболее характерных способов реализации острания в русском и английском языках, на установление типичных переводческих ошибок, связанных с передачей острания, и на выработку рекомендаций для переводчиков.

В результате проведенного **исследования** были решены следующие **задачи**:

1. создана методика анализа острания, позволяющая отграничить острание от смежных языковых явлений;
2. обосновано понятие стилистически релевантной семантической модели и проведен сравнительный анализ основных моделей;
3. сформулировано лингвистическое определение острания;
4. на базе данного определения выявлен набор острающих языковых конструкций в английском и русском языках;
5. описаны функциональные особенности острания в английском и русском языках;
6. проанализированы переводческие решения, связанные с передачей острания, рассмотрены основные переводческие ошибки и выработаны рекомендации для адекватной передачи острания.

Методология данной работы базируется на теории перевода, теории логико-семантического анализа, теории прагматической эквивалентности и теории межкультурной коммуникации. Исследование опирается на комплекс дополняющих друг друга **методов исследования**, таких как сопоставительный анализ, лексико-семантический анализ и стилистический анализ. При помощи

сопоставительного анализа изучалось функционирование рассматриваемого явления как в тематически сходных оригинальных текстах обоих языков, так и в оригиналах с их переводами. Метод лексико-семантического анализа использовался для выявления и описания семантических различий как между стилистически маркированными и немаркированными выражениями одного языка, так и между соответствующими отрывками оригинала и перевода. Стилистический анализ был необходим при работе с конкретными контекстами и при оценке эквивалентности воздействия соответствующих отрезков оригинала и перевода.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые:

- в современной теории перевода остранение стало предметом специального исследования;
- предложено последовательное и комплексное рассмотрение остранения с лингвистических позиций;
- сопоставлены способы реализации остранения в английском и русском языках, а результаты такого сопоставления проанализированы с позиций переводоведения.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно выявляет лингвистическую природу и функциональные особенности остранения, а также раскрывает стилистический потенциал гиперонимических сдвигов. Данная работа вносит вклад в разработку важных проблем как сопоставительной стилистики, так и теории перевода, поскольку дополняет и уточняет картину известных в лингвистике семантических моделей, а также позволяет скорректировать области применения таких традиционно выделяемых переводческих преобразований, как конкретизация и генерализация.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его выводы служат основанием для разработки стратегии передачи остранения в переводе и могут быть использованы переводчиками-практиками в повседневной работе, способствуя улучшению качества переводов. Они также

могут найти применение при обучении студентов на занятиях по переводу, в курсе частной теории перевода и при оценке качества выполненных переводов.

Достоверность полученных данных и **обоснованность** сделанных на их основе выводов и рекомендаций обеспечиваются привлечением для анализа значительного корпуса текстов на английском и русском языках, а также использованием методов, адекватных целям исследования.

Положения, выносимые на защиту:

- остранение представляет собой стилистически релевантное языковое явление, отличное от подробно описанных в лингвистике явлений стилистической системы языка;
- для сопоставления стилистически релевантных явлений целесообразно описать их как семантические модели, т. е. выявить их семантический инвариант;
- семантический инвариант остранения состоит в замене частных понятий более общими;
- остранение представляет собой частотное явление в английских и русских текстах, причем модель остранения реализуется разными средствами на разных уровнях языка;
- передача остранения в переводе вызывает трудности из-за сходства со стилистически нейтральными гиперонимическими заменами;
- остранение выполняет в тексте три базовых функции: абстрагирующую, критическую и юмористическую – каждая из которых обладает своей спецификой и нуждается в учете при переводе;
- учет переводчиком семантической сущности и конкретных языковых репрезентаций остранения повышает адекватность перевода текстов, содержащих данное явление.

Апробация работы: основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета в 2005-2007 гг. Отдельные ее положения обсуждались также на

четвертой международной научно-практической конференции «Проблемы обучения переводу в языковом вузе» (Москва, 2005).

Материалом исследования послужили содержащие остранение тексты английской и русской прессы и художественной литературы различных жанров, а также их переводы на русский и английский языки соответственно. Большинство рассматриваемых текстов было создано в XIX-XX вв.; общий объем материала, исследованного способом сплошной выборки, – свыше 700 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во **Введении** даны общие сведения о диссертационном исследовании: обоснован выбор темы, приведены предпосылки исследования и рабочая гипотеза, сформулированы предмет и объект исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, актуальность, цели и задачи.

Глава I посвящена постановке проблемы, обоснованию выбора термина «остранение» и рассмотрению существующих психологических, литературоведческих, лингвистических и переводоведческих концепций остранения в отечественной и зарубежной литературе.

В **Главе II** проведен анализ семантического механизма остранения. С этой целью рассматриваются возможные подходы к определению лингвистического статуса остранения, обосновывается целесообразность рассмотрения остранения как семантической модели, описываются принципы анализа семантической модели, дается определение остранения и проводится сопоставительный анализ остранения и семантических моделей метафоры, метонимии и перифраза.

В **Главе III** рассмотрены языковые средства создания остранения в английском и русском языках, проблемы передачи остранения в переводе и связанные с ними типичные переводческие ошибки, функции остранения в художественной литературе и особенности проявления остранения в синхронии и диахронии. При рассмотрении каждой группы острающих языковых

средств вырабатываются рекомендации по адекватной передаче данного типа остроты в переводе.

В **Заключении** приведены основные выводы диссертационного исследования, отображены важнейшие практические рекомендации и сформулированы предположительные направления дальнейших исследований.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Учет данных, полученных сопоставительной стилистикой, принципиально важен в переводе, особенно если речь идет о переводе художественной литературы или других текстов, в которых заметную роль играет эстетическая функция.

В настоящей работе рассматривается явление, обладающее, как нам представляется, значительным стилистическим потенциалом, но не описанное в лингвистических и переводоведческих работах, вследствие чего его передача в переводе часто оказывается неудовлетворительной. Это явление реализуется при помощи разных средств на разных уровнях языка, однако при постановке проблемы мы ограничиваемся группой примеров, где интересующий нас эффект создается особым использованием языковых средств лексического уровня:

- 1) Derby's son would survive the war. Derby wouldn't. That good body of his **would be filled with holes by a firing squad** in Dresden in sixty-eight days (Vonnegut d, 60).
- 2) To bard a steak, you cover it with **strips of fat from some other animal** to protect it while it cooks (Palahniuk b, 177).
- 3) [О казни через повешение] Да. Так и повесили. **Веревками задушили** обоих (Толстой b, 389).
- 4) [О жареном поросенке с петрушкой во рту на Пасху] – Так, так, – покачал головой Васенька. – Подъем религиозного чувства знаменуется всовыванием в пасть **мертвого животного пучка зелени...** Логично! (Аверченко, 160)

Жирным шрифтом выделены обороты, заменяющие более привычные в данном контексте слова и выражения.

Заметим, что данное явление, во-первых, встречается во многих английских и русских текстах и, во-вторых, обладая характеристиками стилистического приема, не соответствует в полной мере ни одному из традиционно выделяемых приемов. Можно отметить, что перевод подобного рода оборотов затруднен именно тем, что переводчик не всегда видит в них стилистически значимое явление и в результате может применить переводческое преобразование, которое разрушит эффект данного явления.

В поисках описания данного явления в лингвистической литературе мы обнаружили ряд теоретических построений, авторы которых, судя по приводимым ими примерам, рассматривают явления, сходные с нашим предметом исследования. В результате изучения лингвистических и литературоведческих источников мы пришли к выводу, что продуктивнее всего будет обратиться к теории остранения, разработанной школой русского формализма в начале XX в.

Термин остранение впервые был использован В.Б. Шкловским в статье «Искусство как прием» (1917). Автор начинает разбор остранения в художественной литературе на материале Л.Н. Толстого. «Привожу пример, – пишет В.Б. Шкловский. – В статье «Стыдно» Л. Толстой так остраняет понятие сечения: «<...> людей, нарушавших законы, взрослых и иногда старых людей, оголять, валить на пол и бить прутьями по заднице»; через несколько строк: «стегать по оголенным ягодицам». К этому месту есть примечание: «И почему именно этот глупый, дикий прием причинения боли, а не какой-нибудь другой: колоть иголками плечи или какое-нибудь другое место тела, сжимать в тиски руки или ноги или еще что-нибудь подобное?». <...> Привычное сечение остранено и описанием, и предложением изменить его форму, не изменяя сущности» (Шкловский, 1983: 16). Далее В.Б. Шкловский приводит и другие примеры из Л.Н. Толстого, в том числе известную фразу из «Холстомера»: «Ходившее по свету, евшее и пившее тело Серпуховского убрали в землю

гораздо после» (Шкловский, 1983: 17). Очевидно сходство этих примеров с теми, что мы приводили выше, когда иллюстрировали интересующее нас явление.

Однако данное В.Б. Шкловским описание механизма остранения и дальнейшие примеры в его статье соответствуют широчайшему спектру выразительных средств поэтического языка. Чтобы не допустить возможного в таком случае размывания термина, в данной работе мы отталкиваемся от первой группы примеров («Стыдно», «Холстомер» и др.).

Изучение источников, где авторы трактуют остранение с психологических, литературоведческих, лингвистических и переводоведческих позиций, не дает однозначного и непротиворечивого представления о лингвистической природе остранения.

С точки зрения психологии, остранение трактуется как разрушение привычных ассоциаций (Светикова, 2005).

В работах литературоведов можно выделить три основных подхода к трактовке остранения. Исследователи «философско-литературоведческого» толка понимают под «остранением» особый принцип видения и отображения действительности: «Остранение в широком смысле – то есть не как изолированный «прием», а как поэтический принцип... стоит за всеми актами теоретического и практического любопытства, которое движет человеком» (Ханзен-Лёве, 2001: 12).

Для ряда исследователей остранение по сути имеет место во всех случаях нестандартного употребления языка. Характерной работой, где автор придерживается подобной точки зрения, является монография М.Л. Новиковой (2005). При таком подходе остранением следует считать любые случаи реализации в тексте фигур и тропов: «Сущность метонимии или метафоры, параллелизма или оксюморона, литоты или гиперболы состоит в... остраненном (по В.Б. Шкловскому) видении мира» (Новикова, 2005: 137).

Наконец, в работах третьего типа остранение рассматривается как, в первую очередь, композиционный прием «внешней» точки зрения (Успенский, 2000; Русова, 2004; Макеева, 2000).

В лингвистических работах наблюдается отождествление остранения с уже известными стилистически релевантными явлениями языка. Так, Л.Н. Федотова как одно из средств реализации в тексте остранения рассматривает параномазию (Федотова, 1994). В работе О.Э. Королевой (2002) остранение определено в таких общих терминах, что может быть принято за любой лексический стилистический прием вообще. Е.В. Анашкина называет приемом остранения метонимию, «используемую в определенных художественных целях» (Анашкина, 2001: 72). А.С. Маганов, рассматривая остранение в аспекте синтаксиса, отмечает острающую (абстрагирующую) функцию у конструкций типа «what + придаточное» (Маганов, 2003: 52). Некоторые исследователи ставят знак равенства между «остранением» и «выдвижением» (Nakemulder, Peer).

В рамках теории перевода остранение до сих пор рассматривалось весьма скупо. Э. Гентцлер описывает остранение в духе В.Б. Шкловского как прием, затрудняющий восприятие текста (Gentzler, 1993: 79-80). С. Бэсснетт использует термин *ostranenie* для анализа перевода одного стихотворения, однако описывает прием предельно абстрактно как «делание странным» и «усложнение языка» (Bassnett, 2003: 104). С.Н. Сыроваткин говорит об остранении как о некоторой актуализации реальной или мнимой внутренней формы высказываний. Эффект остранения, по мысли С.Н. Сыроваткина, возникнет, например, в том случае, если фразеологическое выражение, основанное на стертой метафоре, перевести дословно, создав тем самым хотя и понятный, но чересчур непривычный образ (Сыроваткин, 1978: 67).

Таким образом, анализ литературы показал, что однозначного определения остранения не существует. Общим термином «остранение» нередко называют хорошо известные в лингвистике явления (метафору, иронию, параномазию, параллелизм и т. д.), которые по самой своей сути призваны делать художественный текст необычным. При таком подходе трудно провести границу между принципом остранения и принципом поэтического языка вообще, а сам термин может рассматриваться лишь как один из синонимов «выдвижения», «отклонения», «аномалии», «уклонения» и т. п.

Подходов к рассмотрению остранения в узком, лингвистическом смысле может быть несколько. Во-первых, языковые явления, которые мы считаем случаями остранения, можно рассматривать через призму традиционных стилистических приемов. Во-вторых, остранение можно определить как особый стилистический прием. И, в-третьих, остранение можно описывать вне рамок традиционной стилистики как когнитивную модель, семантическую модель и т. д.

При рассмотрении остранения как конгломерата стилистических приемов мы не получаем ясного представления ни о механизме данного приема, ни о смыслах, которые он может выражать в тексте. Описание остранения как особого стилистического приема тоже не представляется удачным. Чтобы добавить к сложившейся парадигме стилистических приемов еще один, потребовалось бы пересмотреть сложившуюся на сегодняшний день классификацию, определив все стилистические приемы с помощью одинаковых и последовательных критериев.

Целесообразнее и практичнее, на наш взгляд, было бы рассмотреть остранение как обобщенную семантическую модель, которая помогла бы подвести под все случаи остранения единое основание. Под семантической моделью мы понимаем **семантический инвариант, лежащий в основе стилистического воздействия определённого типа языковых явлений, реализуемый в различных конструкциях и устанавливаемый путём сопоставления стилистически маркированных и понятийно тождественных им стилистически немаркированных структур, составляющих коррелятивную пару при анализе.**

В ходе анализа семантической модели мы рассматриваем компоненты нулевой ступени (понятия, заключенного в немаркированном члене пары) и оболочки (понятия, выраженного маркированным членом), а также, используя методы логической семантики, характер семантических отношений между ними. При этом учитывается роль контекста, так как та или иная замена

нулевой ступени на оболочку приобретает стилистический потенциал только тогда, когда эта замена является в данном контексте неожиданной.

Прежде чем переходить к анализу механизма собственно остранения, мы сочли необходимым применить вышеизложенные принципы к рассмотрению семантических моделей метафоры и метонимии как смежных с остранением и наиболее изученных в лингвистике явлений.

При метафорической замене вместо исходного понятия используется другое, в сильном импликационале которого есть компонент, являющийся дифференциальным для исходного. При этом оболочка должна быть взята из другого смыслового поля. Чтобы метафорический (или любой другой) перенос имел экспрессивный или оценочный потенциал, оболочка должна не только указывать на нулевую ступень, но и сообщать некую дополнительную, требующую расшифровки информацию. В случае метафоры оболочка обогащает содержание нулевой ступени дополнительными компонентами, взятыми из дифференциальной части интенционала или импликационала оболочки. В результате метонимической замены вместо исходного понятия употребляется понятие, входящее в импликационал исходного и связанное с исходным по условиям данного контекста. Необходимо отметить, что под метонимическими отношениями мы понимаем, в числе прочих, отношения типа «часть – целое», но не «род – вид». Такой подход объясняется тем, что семантические механизмы преобразований типа «часть – целое» и родовидовых (гипо-гиперонимических) преобразований принципиально отличаются.

Основываясь на приводившихся выше примерах остранения, мы считаем возможным выдвинуть гипотезу о том, что при остранении имеет место особый вид генерализации (термин позаимствован из теории перевода), которая придает обозначаемому предмету или явлению стилистическую маркированность.

Рассмотрим пример: «A hotel, he told me, was a big house where a lot of people lived and ate and slept, but no one knew each other» (Palahniuk b, 273). В данном случае перед нами остранение *in praesentia*, когда в тексте присутствует и нулевая ступень (*hotel*), и получившаяся в результате остранения оболочка – *a*

big house where a lot of people lived and ate and slept, but no one knew each other.
Мы знаем, что референтом этого перифрастического оборота являются все те же гостиницы, но объем понятия существенно расширился. Теперь туда входят не только все объекты, которые можно назвать термином *hotel*, но и все мыслимые объекты, подпадающие под определение *a big house where a lot of people live and eat and sleep, but no one knows each other.*

Подытожив наши наблюдения, мы дали рабочее определение остранения через описание его семантического механизма.

Как нам представляется, механизм остранения заключается в **замене ожидаемого в данном контексте наименования вещи, процесса или явления на неожиданное в данном контексте наименование с более широким экстенсионалом и той же референцией (т.е. на слово или выражение, обозначающее понятие, объем которого больше чем у понятия, выраженного исходным (ожидаемым) наименованием, но которое при этом относится к тому же объекту (классу объектов), что и исходное понятие).** Получившееся в результате данной замены наименование выполняет особую стилистическую функцию, обогащая исходное понятие определенной экспрессивно-оценочной окраской.

Если выразить смысл определения более кратко, то остранение представляет собой **внутриязыковую генерализацию, выполняющую специальную экспрессивно-оценочную функцию.**

При сопоставлении семантического механизма остранения с перифразом, метонимией и метафорой, рассмотренными в качестве семантических моделей, обнаруживается принципиальное отличие остранения от этих явлений. Так, перифраз является лишь одной из возможных форм реализации модели остранения в тексте.

Сопоставление остранения с метонимической синекдохой «часть – целое» показывает, что в терминах импликации суть как остранения, так и метонимии сводится к изменению направления естественной импликации на противоположное. Но при этом остранение заключается в имплицировании частного общим, а метонимия – в имплицировании целого частью.

Сопоставляя остранение и метафору, интересно обратиться к теории С. Глаксберга и Б. Кейсара, которые полагают, что суть метафоры заключается в том, что нулевая ступень и оболочка включаются в некую, более общую категорию, прототипическим представителем которой выступает оболочка, причем на нулевую ступень проецируются характерные признаки объектов, входящих в эту категорию. Так, в примере «Cigarettes are time bombs» *time bombs* является прототипическим членом категории «вещей, которые могут резко и неожиданно причинить вред или нанести телесные повреждения в некоторый момент в будущем» (Glucksberg and Keysar, 1993: 419). Нас в этой концепции интересует то, что оболочка остранения – это и есть та более общая категория, которая, по С. Глаксбергу и Б. Кейсару, является основой метафорического переноса.

Значительный интерес для нашей работы имеет проблема категоризации действительности (Rosch, 1978 и др.). Мы остановились на принятом в когнитивной лингвистике «вертикальном» способе категоризации, при котором внутри некоторой таксономии выделяют базовый уровень категоризации. «Слова, соответствующие категориям базового уровня, содержат такое количество информации об объекте или явлении, которого оказывается достаточно для большинства ситуаций, в которых человек с ними встречается» (Кобозева, 2004: 102). Обсуждая условия, предопределяющие использование небазовых категорий, И.М. Кобозева отмечает, что «семантическим эффектом неопределенности, т.е. использования гиперонима вместо его гипонима, является затушевывание отсутствующих у гиперонима семантических признаков, входящих в сигнификат гипонима (ср. *Возьми фрукт* вместо *Возьми яблоко*)» (Кобозева, 2004: 103). Далее исследователь дает классификацию ситуаций, в которых прибегают к выбору лексем меньшей точности. Мы полагаем, что замечание И.М. Кобозевой о сознательном выборе гиперонима с целью затушевывания определенных семантических признаков в упрощенной форме характеризует механизм остранения. Однако с предложенной классификацией ситуаций согласиться не можем.

В английском и русском языках прием остранения реализуется в основном одними и теми же средствами, однако, как показывает сопоставительно-стилистический анализ, их частотность и функционирование в этих языках зачастую не совпадают (то есть наблюдается частичная асимметричность стилистических областей, имеющих отношение к остранению). Перечислим основные средства создания остранения, начав обзор с уровня лексики, так как лексическое остранение – наиболее характерный и узнаваемый тип остранения. Можно сказать, что остранение, созданное лексическими средствами, – это наиболее прототипический представитель в категории остранения, это ядро данной категории, в котором принцип остранения проявляется наиболее наглядно. Кроме того, по нашим наблюдениям, лексический уровень языка дает автору наибольшие возможности для создания остранения, причем остранение, реализованное лексическими средствами, способно нести более разнообразную идеологическую информацию, чем другие виды остранения.

I Лексический уровень:

Гиперонимы – замена исходного понятия другим понятием (выраженным одним словом) с более широким объемом. Часто в роли таких гиперонимов выступают предельно абстрактные понятия вроде *предмет, существо, вещь* и. т. п. Ф.М. Достоевский использует этот прием в романе «Идиот» при помощи остранения *нож – предмет/товар/вещь*. В одном из переводов, на наш взгляд, этот эффект был частично потерян из-за неоправданной конкретизации:

<p>Но он выбежал из воксала и очнулся только перед лавкой ножовщика в ту минуту, как стоял и оценивал в шестьдесят копеек один предмет, с оленьим черенком. (Достоевский 233)</p>	<p>Instead he had fled from the station, and knew nothing more, until he found himself gazing into the window of a cutler's shop, and wondering if a knife with a staghorn handle would cost more than sixty copecks. (Dostoyevsky)</p>
--	--

Гиперонимические перифразы – замена исходного понятия другим понятием, выраженным перифрастическим оборотом и с более широким объемом (возможно, самое типичное проявление остранения). При переводе подобные случаи остранения, как правило, не вызывают затруднений, если нулевая ступень присутствует в тексте и противопоставлена оболочке. Однако остранение *in absentia* часто пропадает или передается менее точно, чем было бы возможно, так как остраняющий перифраз переводчик может принять за не несущий экспрессивной нагрузки логический перифраз и применить в переводе недопустимую здесь конкретизацию:

<p>Derby's son would survive the war. Derby wouldn't. That good body of his would be filled with holes by a firing squad in Dresden in sixty-eight days. (Vonnegut d, 60)</p>	<p>Сын Дарби вернулся с войны живым и здоровым. А Дарби не вернулся. Его прекрасное тело изрешетили пули: он был расстрелян в Дрездене через шестьдесят восемь дней. (Воннегут а, 53)</p>
--	---

Вариант перевода, где остранение сохранено, мог бы быть такой: «Сын Дарби вернулся с войны живым и здоровым. А Дарби не вернулся. Шестьдесят восемь дней спустя в Дрездене расстрельная команда наполнила дырами его холеное тело».

Плеонастические определения – добавление к исходному понятию избыточного атрибута, выражающего признак, имплицитно связанный с исходным понятием.

Рассмотрим пример: «– Хорошо, – говорит Супостатов. – Пойдем. Надо, – говорит, – смерить длину и ширину **усопшего покойника**» (Федоров, 27). Интенционал понятия *покойник* включает в себя признак наступившей смерти; таким образом, в обыденной речи уточняющее определение *усопший* представляется абсолютно излишним. Если, однако, этот атрибут эксплицитно присутствует в тексте, то он в некотором роде вытесняет соответствующий компонент значения из интенционала понятия *покойник*. Чтобы атрибут *усопший* в выражении *усопший покойник* нес информативную нагрузку,

компонент наступившей смерти должен быть вытеснен из интенционала понятия *усопший* на его периферию. Т. е. *покойник* в данном контексте обозначает некий гипотетический предмет, который, обладая признаками покойника, может быть как усопшим, так и не-усопшим. Иными словами, плеонастический атрибут *усопший* остраняет понятие *покойник* за счет сужения его интенционала и расширения его экстенционала.

Развернутое остранение – употребление лексических средств создания остранения на протяжении законченного отрывка текста или целого текста, что превращает остранение в наррато- и/или сюжетоформирующий принцип.

II Фонетико-графический уровень:

Кавычки – не мотивированное орфографической или пунктуационной традицией употребление исходного понятия в кавычках. Эффект остранения при использовании кавычек появляется тогда, когда они маркируют слово, употребленное, судя по всем признакам, в присущем ему значении и в естественном для него контексте. В этом случае читатель воспринимает кавычки как сигнал переноса, но за отсутствием условий для метафоры или метонимии имеет место остраняющий перенос: читатель не перескакивает от исходного (незакавыченного) понятия к конечному понятию (результату переосмысления под действием кавычек), так как в данном случае они совпадают, а останавливается на уровне остранения – «нечто, что обозначается через исходное понятие». Характерный пример подобного остранения:

She had painted a table-top still-life – a conceptual work, in that it had no concept. Thus the viewer became a “**viewer**,” and looked at a painting, which became a “**painting**.” The “**viewer**” then left the museum to “**discuss**” the experience with “**others**.” Dolly had a way of taking an infinitesimal pause to imply the quotation marks around a word. (She could also indicate italics with a twist of her voice.)

В дальнейшем мы говорим об «эффекте кавычек», понимая под ним полное опустошение интенционала остраняемого понятия, когда от нулевой ступени при остранении остается только ее графическая и звуковая оболочка.

Выделение курсивом (только в английском языке) – не мотивированное традицией выделение исходного понятия курсивом, создающее эффект кавычек («Then after supper, as Redfearn’s Tom and I enjoyed a fresh salt-lick, I heard the sound of a *bicycle*»). (Barth, 50)).

Пунктуация – вычленение исходного понятия из контекста за счет необычной пунктуации («But I wear – underwear – which moves with me – it – captures your attention» (Pinter, 27)).

Искаженная орфография (преимущественно в русском языке) – немотивированное искажение написания слов, выражающих исходное понятие. В русском языке на фонетико-орфографическом уровне то или иное понятие может вычленяться из контекста за счет искаженной орфографии (или произношения, если мы рассматриваем устную речь). При этом такие явления, как заумный язык или каламбуры и другие мотивированные искажения, мы не относим к проявлениям остранения, так как в первом случае отсутствует исходное понятие, а во втором вместо старых прагматических связей образуются новые.

В качестве примера можно привести цитату из Л. Добычина, где искаженная орфография сочетается с генерализирующим перифразом: «Перед иконами бабка прибила к стенам треугольную полочку..., а на полку поставила круглую штучку с отверстиями и сказала, что это – **кадильницыя**» (Добычин, 225). Написанное таким образом, слово *кадильница* звучит так, как будто оно помещено в кавычки.

Одним из видов остраняющего искажения орфографии является запись слов одного языка алфавитом, используемом в другом языке. Такое остранение безосновательно было создано переводчиком В. Бошняком в переводе романа Э. Берджесса «Заводной апельсин». Русскоязычный читатель без особого труда узнает в жаргоне Алекса и его друзей русские слова, но экзотическое написание

латиницей создает эффект кавычек, то есть жаргонные слова из непонятных превращаются в переводе в остранные:

‘ Yarbles ,’ said Dim, sneering, ‘ great bolshy yarblockos to you. What you done then you had no right. I’ll meet you with chain or nozh or britva any time, not having you aiming tolchocks at me reasonless, it stands to reason I won’t have it.’ (Burgess, 26)		– Hren тебе, – проговорил Тем, осклабясь. – Большой такой tolsti тебе hren . Не следовало тебе делать то, что ты сделал. В следующий раз выходи лучше с tseppju или britvoi , больше я от тебя такого не стерплю. (Берджесс а, 42)
---	--	---

Мы полагаем, что переводчик выбрал не лучшее решение и фактически не реализовал авторский замысел.

III Морфологический уровень:

Морфологическое остранение, как и фонетико-графическое остранение, призвано за счет изменения формы создавать эффект кавычек. Разница заключается в том, что на фонетико-графическом уровне остранение достигается изменением фонетической (графической) формы лексической единицы, а на морфологическом – изменением грамматической формы. Так как изменение морфологических характеристик меняет не только форму, но и значение слова, то острающую функцию выполняют только те морфологические сдвиги, грамматическое значение которых не мотивировано или слабо мотивировано контекстом (т.е. формальная сторона которых оказывается важнее смысловой). Пример остранения, созданного за счет нестандартного употребления видо-временных форм глагола, и потерянного в переводе дает «Рассказ о семи повешенных» Л.Н. Андреева:

– А что вы сделали, Янсон? – Я хозяина резал ножом. Деньги крал . (Андреев, 101)		“What have you done, Yanson?” “I killed my master with a knife . I stole money.” (Andreyev)
--	--	---

Вариант перевода с сохранением остраниения: «I cutting my master with a knife. I stealing money».

Приведем пример потери остраниения, созданного путем столкновения форм рода и числа применительно к одним и тем же объектам:

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки)... (Хармс, 486)	Ivan Ivanovich Susanin (that same historical personage who laid down his life for the tsar and was subsequently extolled by Glinka's opera). (Kharmis, 76)
---	--

Трудность передачи этого остраниения заключается еще и в том, что расхождения в русской и английской грамматических системах не позволяют использовать средний род со словами вроде *personage/figure/person*, однако морфологическое остраниение можно компенсировать лексико-синтаксическими средствами, остранив понятие *Сусанин* при помощи, например, такой конструкции: «The historical figure known as Ivan Ivanovich Susanin, that same historical personage who...»

IV Синтаксический уровень:

Остраниение в синтаксисе мы рассматриваем на примере английских конструкций с придаточными предложениями, вводимыми сочетанием «предлог + союз *what*», и русских конструкций с прimestоименно-определятельными придаточными предложениями, вводимыми местоимением *то*, которые А.С. Маганов считает наиболее близким соответствием конструкции «предлог + *what* + придаточное» (Маганов, 2003: 71). Пользуясь термином А.И. Смирницкого, А.С. Маганов называет относительные местоимения и наречия в данного рода конструкциях «конденсированными относительными словами» (КОС).

Мы можем заключить, что в русском языке существует два типа реализации остраниения в рамках конструкции «КОС + придаточное»:

1) «Тип кавычек»: «Я не замечал тогда, что периоды злобы возникали во мне совершенно правильно и равномерно соответственно периодам **того, что мы называли любовью**» (Толстой с, 162).

2) «Тип перифраза»: «Ведь только подумать, какое великое дело совершается в женщине, когда она понесла плод или когда кормит родившегося ребенка. Растет **то, что продолжает, заменяет нас**» (Толстой с, 152).

В английском языке определенный, но меньший остранивающий потенциал присущ конструкциям типа *what is called*.

В текстах художественной литературы, а также прочих текстах, где предполагается использование стилистически релевантных средств, остранение употребляется в трех базовых функциях (одной основной (1) и двух производных(2 и 3)):

1. Абстрагирующая функция. Представляет остраненное понятие незнакомым, чужеродным и не имеющим точного названия в повседневном языке.
2. Критическая функция. Сообщает остраненному понятию отрицательную окраску.
3. Юмористическая функция. Представляет остраненное понятие в комическом свете.

Выделяемые функции не являются рядоположенными. Абстрагирующая функция, основная в этом ряду, наблюдается во всех случаях употребления остранения. Абстрагирующая функция может быть дополнена критической или юмористической функциями, которые могут сочетаться друг с другом в различных пропорциях.

Остранение встречается в разнообразных типах контекстов, однако наиболее типичными, пожалуй, можно считать случаи, когда автор использует остранение с идеологическим заданием при описании сфер человеческой деятельности, которые представляются ему либо чрезмерно условными, неестественными (искусство, религия, спорт и др.), либо жестокими,

несправедливыми и бессмысленными (война, телесные наказания и казнь, еда (особенно животного происхождения) и др.). Эта тенденция прослеживается с античных времен до наших дней, что свидетельствует о высоком и непреходящем художественном потенциале данного приема и, соответственно, об актуальности его стилистического и переводоведческого исследования.

Наличие остранения создает трудности при переводе как с английского языка на русский, так и с русского на английский, прежде всего ввиду вышеупомянутой частичной асимметрии стилистических средств и функций. Анализ отрывков оригиналов и переводов, выполненный нами с позиций концепции динамической эквивалентности Найды-Швейцера, позволил выявить основные ошибки, связанные с передачей остранения в переводе. Эти ошибки можно разделить на две общие категории:

Во-первых, потеря остранения в переводе при наличии остранения в оригинале. Потеря остранения происходит в основном из-за того, что переводчик, не знакомый с явлением остранения, не осознает, что та или иная структура исходного языка выполняет острающую функцию, а следовательно, заключает в себе особую идеологическую информацию. Таким образом, остранение пропадает, если создающие его стилистически релевантные элементы воспринимаются переводчиком как коммуникативно нерелевантные (избыточные) элементы структуры оригинала, которые не подлежат передаче в переводе. Типичным случаем ошибочного снятия остранения является неоправданная конкретизация понятий за счет использования в переводе лексических единиц с более конкретным значением или более узкой сочетаемостью, чем в оригинале.

Во-вторых, создание остранения в переводе при отсутствии остранения в оригинале. Немотивированное создание остранения также возникает из-за того, что переводчик не знаком с явлением остранения и не осознает, что та или иная структура переводящего языка может выполнять острающую функцию. Таким образом, остранение возникает, если переводчик (зачастую под воздействием коммуникативно нерелевантных элементов структуры оригинала) непреднамеренно использует в тексте перевода острающие конструкции,

создающие эффект, не предусмотренный автором оригинала (т.е. имеет место неоправданная генерализация).

Распространенность подобных ошибок отчасти объясняется тем, что в большинстве случаев конкретизация и генерализация считаются допустимыми переводческими трансформациями, позволяющими избежать стилистических недочетов буквального перевода. Однако наше исследование показывает, что при использовании этих трансформаций необходимо учитывать возможные стилистические последствия гипо-гиперонимических сдвигов.

Чтобы избежать этих ошибок, переводчик должен уяснить себе семантическую сущность остранения и ознакомиться с языковыми средствами создания его в английском и русском языках, теми функциями, которые оно выполняет, и типами контекстов, в которых наиболее велика вероятность его появления. Учет данных сопоставительно-стилистического анализа поможет переводчику адекватно передать остранение в переводе и не допустить его немотивированного появления. Среди практических переводческих рекомендаций, сформулированных в настоящей работе, можно выделить следующие: при передаче остраняющих гиперонимов и перифразов необходимо использовать в переводе слова широкой семантики, избегая оценочной лексики и клише; необходимо учитывать стилистический потенциал кавычек в английском и русском языках и курсива (в английском языке), если они не мотивированы орфографической или пунктуационной традицией; необходимо учитывать стилистический потенциал немотивированных фонетических искажений в русском языке, компенсируя созданное таким образом остранение другими средствами при переводе на английский язык и не допуская немотивированного остранения за счет фонетических искажений при переводе на русский язык; при передаче русских приместоименно-определятельных предложений и английских конструкций типа «what + придаточное» необходимо учитывать наличие остраняющего потенциала у первых и почти полного его отсутствия у вторых и др.

Дальнейшие исследования в данной области могли бы касаться, с одной стороны, конкретных языковых средств создания остранения, изучения их

сравнительной частотности в английских и русских текстах, а также использования остраниения авторами различных эпох и литературных направлений – с целью составления более детальных практических переводческих рекомендаций. С другой стороны, в теоретическом плане, возможно, представляла бы интерес разработка универсальной системы экспрессивных средств языка, где метафора, метонимия и остраниение трактовались бы как основополагающие семантические механизмы смыслопорождения и экспрессии, действующие обособленно или в различных сочетаниях и реализующиеся в разнообразных построениях на разных уровнях языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Бузаджи Д.М. Художественный прием остранения в контексте переводоведения. Статья. // Семантические и стилистические аспекты перевода. – М., 2005. – С. 97–114 (Вестник МГЛУ; вып. 506; сер. Лингвистика) – 1 п.л.
2. Бузаджи Д.М. Художественный прием остранения в контексте переводоведения. Тезисы доклада. // Проблемы обучения переводу в языковом вузе: Тез. докл. Четвертой Международной научно-практической конференции. 14-15 апреля 2005. – М., 2005. С. 100-101 – 0,1 п.л.